

9. Sandomirskaya I. *Kniga o Rodine. Opyt analiza diskursivnykh praktik [Book about Motherland. Experience in the analysis of discursive practices]*. (In Russ.). Available at: <http://yanko.lib.ru/books/cultur/sandomirskaya-rodina.htm> (accessed 27.05.2016).
10. Fel'dt I.N. *Obraz Russkogo Severa i obraz Arktiki v sovremennoy kul'turnoy politike Arkhangel'skoy oblasti [The image of the Russian North and the image of the Arctic in the modern cultural policy of the Arkhangelsk region]*. *Chelovek. Kul'tura. Obrazovanie: nauchno-obrazovatel'nyy i metodicheskiy zhurnal [Human. Culture. Education: scientific, educational and methodical journal]*, 2015, no. 3 (17), pp. 122-135. (In Russ.).
11. *Fond "Otkrytaya kolleksiya". O fonde [The Fund "Open Collection". About the Fund]*. (In Russ.). Available at: <http://www.open-collection.com/about> (accessed 25.05.2016).
12. Khomyakova I.V. *Strategii regional'nogo dizayna [Strategies of the regional Design]*. *Regionologiya [Regionology]*, 2010, no. 1, pp. 258-266. (In Russ.).
13. Yurenkova E.A. *Vizual'nyy aspekt regional'noy identichnosti [The visual aspect of the regional identity]*. *Gorod nevest? Brending territoriy i regional'nye identichnosti: materialy vserossiyskoy nauchnoy konferentsii (Ivanovo, 12–13 sentyabrya 2013 goda) [City of Brides? Branding territories and regional identities: Proceedings of the Scientific Conference (Ivanovo, 12–13 September 2013)]*. Ivanovo, 2013, pp. 108-109. (In Russ.).
14. *i-décor. Izgotovlenie predmetov dekora s dizaynerskimi printami [i-décor. Making objects of decor with design prints]*. (In Russ.). Available at: <http://i-decor.pro/ru/sozdat-kollektsiyu?pattern=8> (accessed 26.05.2016).
15. *Ru.branding project. Russkie rospisi v sovremennom dizayne [Ru.branding project. Russian painting in the modern design]*. (In Russ.). Available at: <http://rubranding.com> (accessed 25.05.2016).

УДК 008

АДЫГСКИЕ ОБРЯДЫ ВЫЗЫВАНИЯ ДОЖДЯ В КУЛЬТЕ ОБОГОТВОРЕНИЯ МЁРТВЫХ

Лакунова Диана Руслановна, аспирант, Северо-Кавказский государственный институт искусств (г. Нальчик, РФ). E-mail: anzva86@gmail.com

Тайсаев Джабраил Мубарикович, кандидат философских наук, доцент кафедры культурологии, Северо-Кавказский государственный институт искусств (г. Нальчик, РФ). E-mail: taisauti@yandex.ru

В работе рассматривается взаимосвязь сакральных культов почитания умерших и вызывания дождя у адыгов, а также их влияние на формирование сакрально-духовного фундамента культуры в коллективном бессознательном. В основе всех обрядов и ритуалов, приведенных нами, лежит глубокое суеверие древних людей, согласно которому с помощью магических обрядов или имитации желаемого можно влиять на погоду и природу. Приводится множество фактов универсальности таких культов у совершенно далёких как по происхождению и географически, так и этнокультурно, народов. В этих обрядах идентичными являются не только форма их исполнения, но и смысловая нагрузка, несмотря на географическую отдаленность разных племен. Такие культовые параллелизмы авторы связывают с общечеловеческой универсальностью архетипов. Адыгские обряды вызывания дождя как неотъемлемая часть традиционной культуры являлись хранителями сакральных кодов народов. Для выявления этих кодов необходима реконструкция некоторых вышедших из обихода обрядов. Несмотря на то, что многие обряды трансформировались из-за конфессиональных предпочтений, трансцендентная основа сохранилась почти в неизменном виде, чему способствовали сами народы, для которых обряды и ритуалы служили коммуникацией, неким хранилищем культурных кодов. С помощью этих обрядов мы можем увидеть особый трансцендентный мир наших предков.

Ключевые слова: адыги, вызывание дождя, культ предков, культ камня, Шибле, ритуальные танцы, поклонение мёртвым, обряды.

CIRCASSIAN RAINMAKING CEREMONIES IN THE CULT OF DEIFICATION OF THE DEAD

Lakunova Diana Ruslanovna, Postgraduate, North Caucasus State Institute of Arts (Nalchik, Russian Federation). E-mail: E-mail: anzva86@gmail.com

Taysaev Dzhabrail Mubarikovich, PhD in Philosophy, Associate Professor, North Caucasus State Institute of Arts (Nalchik, Russian Federation). E-mail: taisauti@yandex.ru

The paper deals with the relationship between veneration of the dead sacral cults and rainmaking in Circassia, as well as with their influence on the formation of sacred and spiritual foundation of culture in the collective unconscious. A profound superstition of ancient people lies at the heart of all the rites and rituals, according to which they could influence to weather and nature by magical rites. It was difficult to understand for ancient people that these events do not depend on rites by laws of nature, but they considered these events as a direct result of the rites. And that's why these ceremonies, transforming over time, survived. Even now, at the age of modern technology, during a prolonged drought some villagers often carry out rainmaking ceremonies. There are a lot of facts of the universality of this cults among very different by origin, geography and culture natives. There are not only form, but also semantic load are the same in this rites, despite to the geographical remoteness of different tribes. These common sacred rituals authors connect with the universality of archetypes worldwide. Adyghe rainmaking ceremonies, as an integral part of traditional culture, were like the guardians of the sacred people code. To identify these codes, it is necessary to reconstruct some of this rites. Despite the fact that many rituals were transformed because of religious preferences, transcendental foundation remained almost unchanged, what was contributed by natives themselves, for whom the rites and rituals were the way of communication, something like a storehouse of cultural codes. With these rituals, we can see a special transcendental world of our ancestors.

Keywords: Circassians, rainmaking, the worship of ancestors, the cult of the stone, Shibli, ritual dances, the cult of the dead, rite.

Божеества грома и молнии, которые влияют на судьбы людей, урожая в целом, владеют небесным огнем, посылают на землю дождь и засуху, появились в абхазо-адыгском пантеоне из суевренных представлений, по которым с помощью магических обрядов можно было повлиять на природу. Обожествление человека, убитого молнией и обряды вызывания дождя возле его могилы могут косвенно свидетельствовать об этом. В абхазо-адыгских обрядах, во время которых собирались у могилы убитого молнией и устраивали моления, взывая к богу с просьбой о дожде, изначально видимо прослеживается очень древнее суеверие, согласно которому погибший от молнии либо огня, приняв смерть от ожогов, очень желает выпадения дождя, чтобы охладить тело и успокоить острую боль. Связь культа предков и культа вызывания дождя у адыгов имеет не случайный, а фундаментальный, всеобщий характер.

Общность данного архетипа особенно ярко прослеживается при сравнении этого древнеадыгского культа с аналогичным обрядом австралий-

ского племени Диери, которое во время засухи вызывает к духам своих предков [7, с. 68]. Этот обряд, подробно описанный Дж. Дж. Фрезером, является по своей сути очень архаичным и заключается в имитировании выпадения дождя. В данном случае нас интересует именно факт обращения их к предкам, которые способны помочь им в этом. Надо сказать, что у многих народов мира дождь вызывают при посредничестве покойника. Так, туземцы Новой Каледонии верили, что душа покойника впитывает воду, превращает ее в дождь и низвергает на землю. Для этого они прибегали к разного рода обрядам. В таких же целях племя Тораджи (группа родственных народов в Индонезии) взывает к состраданию покойников. Во время засухи, они приходят на могилу знаменитого вождя, поливают ее водой и молят его о дожде. При этом подвешивают над могилой наполненный водой ствол бамбука, из которого вытекает вода. Происходит своего рода орошение могилы.

Схожий обряд существовал и у адыгов. В Кабардино-Балкарии, в селении Ерокко, находится

могила убитой молнией девушки. Возле могилы стоит каменная глыба, возле которой в засушливое время собирались люди, обмывали его молоком или водой, затем устраивали хороводные танцы и купания в одежде. По завершении обряда, откалывали молотком кусочек от камня и бросали его в реку [6]. Л. А. Гугова приводит такой обряд со слов информантов, где в течение семи дней женщины поливали молоком то место, куда ударила молния. После того, как женщины полили молоком землю, они становились в круг друг за другом, обходили политую молоком часть земли три раза, пели песни, пританцовывали, держа правую руку за пояс, а левой рукой били друг другу в ладоши. По их верованиям после этого должен был пойти дождь [3, с. 82]. В приведенных обрядах мы прослеживаем явное смешивание религиозных и магических обрядов, а именно обращение с молитвой к покойнику носит сакральный характер, который дополняется магической имитацией дождя у его могилы [7, с. 74].

В обрядах вызывания дождя у абхазо-адыгов одним из главных атрибутов является камень. В настоящее время трудно проследить и найти истоки использования камней в этих ритуалах. С одной стороны, в основном использовали осколки могильных каменных плит и собранные камешки вокруг убитых молнией, что может свидетельствовать не о сакрализации самих камней, а о симпатической контагиозной магии, описанной Фрезером. Где магические приемы, основываются именно на соприкосновении, контакте с могилой покойника, моление которому может вызвать дождь. Мы можем предположить, что в этом заложена подсознательная вера во внетелесность и экспансивность души как человеческой энтелехии.

Существует также мнение, что люди сами наделяли камни свойствами, которые способны вызывать дождь, при условии, что их бросают или обрызгивают водой. Как, например жители Самоя, которые во время засухи выносят хранящийся в доме камень определенной формы и погружают его в воду. Так же Апачи, жители засушливых пустынь Аризоны в Нью-Мексико, приносили из определенного источника воду и выливали на скалу с тем, чтобы вызвать дождь. Подобные обряды существовали в Африке, в Азии, в Австралии и в Европе [7, с. 78–79]. Обряды, в которых ключевым моментом являлось именно соприкос-

новение камня и воды, существовали и в среде абхазо-адыгов. По мнению Фрезера, в основе этих обрядов лежит симпатическая магия, в которой он объединяет и контагиозную магию, и гомеопатическую, то есть имитативную. С последней можно также связать обряд, исполняемый во время грозы, когда молодые люди ударяли деревянной лопатой по амбарам, складам и по стенам хлева, тем самым «выпрашивая» у Шибле дождь и хороший урожай. Здесь прослеживается инициация звуков дождя, повторяя которые можно вызвать дождь [2]. В этом культе буквально в каждом человеке прослеживается сакрально-духовная связь с вечным божественным началом, которая посредством контагиозной магии распространяться и на неодушевленные предметы, не только от мертвых, но и от живых.

Особенно сильной, по мнению абхазо-адыгов, такая связь была у убитых молнией. Известный этнограф Л. И. Лавров упоминает о ритуальных танцах, исполняемых адыгами в обряде Шыблэ удж. Их можно разделить на женские и мужские. Мужчины, собираясь у могилы убитого молнией, устраивали моления: «Эу ялэ ялэрэ, яле. Эу ялэ уэ ялэр ялэ ялэ». Затем брали камень с могилы и относили его к реке, клали в воду. Считалось, что после того, как камень коснулся «святого», он приобретал магическую силу, а попав в воду, мог вызвать дождь [5].

Аналогичный ритуал описан у шапсугов, как пишет Б. Ан, «участники мужского хороводного пения танцевали вокруг могилы по направлению часовой стрелки. Далее старик – родственник покойного с яствами в руках обращался к Шибле и покойнику с просьбой о ниспослании дождя. Все присутствующие держали ладони перед глазами и восклицали после пауз старца “Аминь”. Затем с могилы уносили камень» [1].

Ритуал, который исполняли адыги, для вызывания дождя – Хьэнцигуацэ, детально схож с ритуалами многих других народов, основанными на том же логическом фундаменте. Во время засухи фессалийские и македонские греки отправляют ко всем колодцам и водоемам детей. При этом во главе детской процессии всегда шла украшенная цветами девочка.

В адыгских ритуалах процессию возглавляет человек, несущий наряженную деревянную лопату, символизирующую опять-таки девочку [4]. Аналогично сербы, для вызывания дождя,

исполняют ритуал, в котором раздевают маленькую девочку, одевают ее травой и зеленью и в сопровождении девушек она идет по деревне [7, с. 72]. Как и в адыгских ритуалах, они останавливаются перед каждым домом, танцуют, поют песни, а хозяева, в свою очередь выливают на них ведро воды. Песня, исполняемая при этом, по смыслу очень схожа с песнями адыгов:

*Мы по деревне идем,
А по небу бегут облака,
Мы идем побыстрее,
И быстрее пошли облака,
Они обогнали нас
И оросили
Свежестью хлеб и лозу [7, с. 73].
Адыгский вариант звучит так:
Ханцигуашу мы водим!
О Аллах, дождь обильный пошли!
Ханцигуашу мы водим!
О Аллах, дождь обильный пошли!*

С изменением мифорелигиозных воззрений менялся и образ, к которому были обращены мольбы о дожде: то это образ речной богини, то речного божества, то бога грозы и молнии. А после принятия ислама языческих богов окончательно вытеснил бог мусульман.

Иногда в адыгских селениях деревянную лопату – девушку – заменяли на лягушек, которых также наряжали и ходили с ними по домам. И вообще всячески остерегались их убивать. Это суеверие, которое заключалось в том, что лягушки, тесно связанные с водой, могут влиять на погоду, а именно вызвать дождь, было распространено повсеместно, по мнению Фрезера. В частности, он пишет, что племена индейцев бассейна реки Ориноко считали жабу «богиней-влачицей» вод, остерегались ее убивать. Они сажали лягушек в горшок, били по нему прутом, верили, что после этого пойдет дождь. А индейцы бассейна реки Томпсон и отдельные европейские народы, наоборот, полагают, что убийство лягушки вызывает дождь [7, с. 75–76]. С адыгским ритуалом, где главным действующим лицом является лягушка [3, с. 84], можно сравнить ритуал жителей провинции Мадрас. В период засухи женщины ловят лягушку и живьем привязывают ее к новой бамбуковой веялке и ходят с ней от дома к дому.

Во время такого шествия хозяйка дома поливает лягушку водой и дает ей подаяние [7, с. 76].

В основе всех обрядов и ритуалов, приведенных нами, лежит древнее суеверие, согласно которому с помощью магических обрядов или имитации желаемого можно влиять на погоду. Довольно часто, после совершения какого-либо обряда вызывания дождя, желаемое событие действительно наступало. Древнему человеку было трудно понять, что этому содействовали не обряды, а законы природы, которые не зависят от человеческого воздействия, но они, видимо, рассматривали эти события, как прямой результат обрядов [7, с. 63]. И именно поэтому данные обряды, трансформируясь с течением времени, сохранились до наших дней. Даже сейчас, в век современных технологий, во время длительной засухи, нередко жители селений говорят: «Что-то давно не было дождя! Надо бы провести обряд Хьэнцигуашэ!».

В этих обрядах, несмотря на географическую отдаленность народов, идентичными являются не только форма их исполнения, но и сакральные основания, что свидетельствует об универсальном единстве многих архетипов древних людей. Поэтому, как и во многих подобных случаях культовых конвергенций, невозможно дать универсальный ответ по вопросу об источниках таковой общности. Среди возможных причин схожести описанных здесь культов можно назвать следующие:

- они могут быть связаны с их общим происхождением, то есть унаследованы от каких-то совсем далёких общих предков;
- они были диффузионистски заимствованы;
- это все как-то связано с универсалиями человеческой духовной природы.

Первая причина нам кажется в данном случае маловероятной, уж слишком древними тогда получаются эти культы, трудно себе представить, как они могли сохраниться, не трансформировавшись до неузнаваемости за десятки тысяч лет. Вторая причина тоже нам не кажется подходящей для данного конкретно случая, поскольку все эти культы схожи по сути и по духу, но совершенно различны в частности. Кроме того, многие описанные здесь народы не контактировали со времён исхода из Африки. Остаётся последняя причина, и это лишний раз показывает нам, насколько все мы едины, при всём нашем многообразии.

Литература

1. Ан Б. О пережитках родовой религии шапсугов // Религиозные пережитки у черкесов-шапсугов. – М., 1940. – 296 с.
2. Аутлев П. А. Новые материалы по религии адыгов // Уч. зап. АНИИ. – Краснодар, 1965. – Т. IV. – 198 с.
3. Гутова Л. А. Обряд вызывания дождя в фольклоре и этнографии адыгов. // Вестн. Ин-та гуманитар. исслед. Кабардино-Балкар. науч. центра РАН. – Нальчик: Издат. отд. КБИГИ РАН, 2013. – Вып. 1 (20). – С. 79–87.
4. Кантария М. В. Полеводство в Кабарде (по этногр. мат-лам): автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Тбилиси, 1965. – 28 с.
5. Лавров Л. И. Доисламские верования адыгейцев и кабардинцев // Тр. ин-та этнографии. Новая сер. – М., 1959. – Т. 51. – 217 с.
6. Мафедзев С. Х. Полевые записи. Архив КБИГИ. – Нальчик. – Ф. 12. – Оп. 1. – Д. 32. – Л. 208, 209; 1972.
7. Фрэзер Дж. Золотая ветвь. – М.: Политиздат, 1984. – 528 с.

References

1. An B. O perezhitkakh rodovoy religii shapsugov [About remnants of ancestral religion Shapsugs]. *Religioznye perezhitki u cherkosov-shapsugov [Religious vestiges of the Circassians-Shapsugs]*. Moscow, 1940, pp. 23-37. 296 p. (In Russ.).
2. Autlev P.A. Novye materialy po religii adygov [New materials on religion Circassians]. *Uchenye zapiski ANII [Scientists AANII note]*. Krasnodar, 1965, vol. IV. 198 p. (In Russ.).
3. Gutova L.A. Obryad vyzvaniya dozhdya v fol'klоре i etnografii adygov. [Rainmaking rite in folklore and ethnography of the Circassians]. *Vestnik Instituta gumanitarnykh issledovaniy Kabardino-Balkarskogo nauchnogo tsentra RAN [Bulletin of the Institute of Humanitarian Studies of the Kabardino-Balkar Scientific Centre of Russian Academy of Sciences]*. Nal'chik, KBIGI RAN Publ., 2013, iss. 1 (20), pp. 79-87. (In Russ.).
4. Kantariya M.V. Polevodstvo v Kabarde (po etnograficheskim materialam). Avtoref. diss. kand. ist. nauk [Field cultivation in Kabarda (ethnographic materials). Author's abstract of PhD in history]. Tbilisi, 1965. 28 p. (In Russ.).
5. Lavrov L.I. Doislamskie verovaniya adygeytssev i kabardintsev [Pre-Islamic beliefs Adygeys and Kabardians]. *Trudy instituta etnografii. Novaya seriya [Proceedings of the Institute of Ethnography. New episode]*. Moscow, 1959, vol. 51. 217 p. (In Russ.).
6. Mafedzev S.Kh. Polevye zapisi. Arkhiv KBIGI [Field recordings. Archive of the Kabardino-Balkarian Institute of Humanitarian Studies]. Nalchik, F. 12, Op. 1, D. 32, L. 208, 209; 1972. (In Russ.).
7. Frezer Dzh. Zolotaya vetv' [The Golden Bough]. Moscow, Politizdat Publ., 1984. 528 p. (In Russ.).

УДК 72.03 (571.5)

СЭРГЭ КАК ПАМЯТНИК АРХИТЕКТУРЫ И ИСКУССТВА НАРОДА САХА

Дьяконова Саргылана Антоновна, старший преподаватель кафедры архитектуры и городского строительства, Северо-восточный федеральный университет имени М. К. Аммосова (г. Якутск, РФ).
E-mail: sargyland@yandex.ru

В статье рассматриваются особенности такого элемента культуры, архитектурного комплекса, как сэргэ (коновязный столб), возникновение которого восходит к временам переселения народа Саха на территорию Восточной Сибири. Актуальность данной статьи заключается в том, что системной классификации анализа сэргэ во времени ранее не делилось. Опираясь на национальные традиции народа Саха, после натуральных исследований автора статьи были выявлены два типа сэргэ (хозяйственные и сакральные), подразделенные на две группы по функциональным и визуальным характеристикам.

В первой группе представлены типы хозяйственных сэргэ, являющихся надворными сооружениями внутри локального деревянного комплекса якутов. Внешне хозяйственные сэргэ были весьма лаконичны, имели брутальные формы и не оформлялись орнаментальными мотивами.

Во второй группе рассмотрены типы сакральных сэргэ, которые в отличие от первого типа, украшались орнаментальными мотивами с магико-охранным значением. Сакральные сэргэ размещали в священных местах, где проходило празднование ежегодного национального события «Ысыах».